

# Помните их всех...

## Письма о войне

Эти письма стали приходиться в редакцию газеты «Известия» в первые перестроечные годы. Они не были похожи на те, что публиковались в прессе в годы застоя, когда правду нужно было дозировать или просто скрывать, когда все подвергалось редактированию и шлифовке, когда героев сочиняли в кабинетах. А теперь начала оттаивать народная память, пришло время сказать правду. И вот они перед нами, эти письма. Горькие, пронзительные, простодушные, бесхитростные... О жизни и смерти на войне. О жестокости и бесчеловечности врагов, а случилось, и своих. О самоотверженности, не отмеченной наградами, забытой. О кошмаре первых месяцев войны. Кто-то пытается рассуждать, но по большей части рассказывают, как было. Из этих свидетельств, как из маленьких осколков, складывается картина, не сравнимая по силе воздействия ни с одним произведением о войне, будь то роман или фильм. Эта картина не подчинена воле и фантазии художника. Здесь сама правда кричит, корчится, плачет или молча смотрит нам в лицо. Можно выхватить что-то одно из общей картины; как правило, выхватывается близкое, пережитое. Можно попытаться понять общее; и опять же по-своему понимается это общее разными людьми, и время будет накладывать свою печать на это понимание. Но неизменно для всех ощущение подлинности, ощущение дыхания истории, рассказанной теми, кто ее делал — рядовыми. Ощущение, что это была особенная война — народная. Вот это осуществление народности, превращение воюющих людей в народ — может быть, самое сильное переживание, которое испытываешь, читая книгу. А мы ведь до сих пор не можем понять, что такое наш народ...

Письма хранились в редакции, их было несколько тысяч, держать их было негде, и не раз возникало искушение у редакционных чиновников избавиться от них. Но не дали, прятали. А теперь вот сделали книжку, жанр которой обозначен как документальный роман (составители Э. Максимова, А. Данилевич, издательство «Время») с отвечающим жанру названием — «Я это видел».

Не все письма в нее вошли, а жаль. Может быть, при переиздании она значительно увеличится в объеме. Очень этого хотелось бы.

За две недели до войны нас собрали в доме комитета на лекцию «Германия — верный друг Советского Союза». Танки поставить на консервацию, боеприпасы сдать на артсклад. Я прибежал в парк в 00 часов 30 минут. В небе гудят самолеты. Настроение у всех веселое: начались маневры! Первый бомбовый удар — по складу. Крики: «Это учебные цементные бомбы!» Второй заход и — удар по соседнему батальону. Крики: того убили, тому оторвало ноги... Только тогда мы поняли, что это война.

Почему было запрещено говорить нам правду, что Гитлер нападет на нас? Почему скрыли от нас, стоящих на границе, в этом знаменитом Белостокском выступе, подготовленную им блицвойну? Кто поверит, что Сталин и Генштаб не знали, что к границе подтянуто около 200 немецких дивизий? Местное население знало, а Сталин не знал? Кто смеет утверждать и говорить, что Гитлер обманул и перехитрил Сталина? Это Сталин обманывал нас, а мы стали заранее подготовленными жертвами этого обмана.

Я видел в эти жуткие дни стреляющихся в висок, плачущих бойцов и командиров, детей, убитых и раненых матерей, брошенные санитарные части с еще живыми ранеными. В окружении, замкнутом пятью кольцами, нас непрерывно бомбили, на нас сыпались всякого рода пропуски (я не видел, чтобы кто-то их брал), но мы не видели ни одного своего самолета, который сбросил бы нам весточку: что нам делать, как поступать. Питание, боеприпасы, горючее — все было уничтожено в первый день, Мы рвались на восток с какой-то неудержимой яростью. Два кольца прорвали, а в третьем перед Слоном застряли. Уже не было никаких сил...

Я прошел все круги фашистского ада: гестапо, тюрьма, штрафная рота, концлагеря Флоссенбург и Бухенвальд, А потом два проверочно-фильтрационных нашей контрразведки СМЕРШ. Именем «Берия» ставили на колени, и остальное прочее. Всего не напишешь...

Модест Маркович Марков,  
Анжиро-Судженск

Вязьма,  
Август  
1941 года



1-го показывали в клубе фильм «Цена жизни». В 2.30 ночи политрука разбудил дежурный и приказал снять портреты вождей и сжечь. Тот поднял голову и опять заснул. Дежурный с наганом в руке заставил выполнить приказ. Дело в том, что мы боялись сжигать членов политбюро... В 4 утра появились фашисты — бомбардировщики и истребители. Небо было черное, кругом темно и очень страшно. Рядом с нашим стоял артполк. Артиллеристы не выдержали и выстрелили. Сбили самолет. Нам объявили, что они будут строго наказаны... Мы заняли оборону на опушке. Страшный бой длился дотемна. Мы, клубные работники, брали автоматы у убитых. Автоматы выделили командирам взводов и отделений. Нам и винтовок не хватило. Хотя в лесу были большие склады оружия, его после давили танками, чтобы не досталось врагу.

Н. Халилов

До сих пор самое чувствительное мое воспоминание — о том памятном дне, который разделит нашу жизнь на до войны и войну.

Шли бесконечные эшелоны, эшелоны... С востока на запад. Вот и наш — с моряками-дальневосточниками подошел к станции Куенга. Совсем рядом, в сорока километрах, родительский дом. Я спрыгнул из теплушки в надежде увидеть хоть земляков. И вдруг слышу женский голос, зовущий меня по имени. Оглянулся — ба. Сестра. Перед войной она закончила медицинский тех-

никум и сейчас представилась мне: «военфельдшер медсанитарного батальона». Стоим мы, она в серой, я в черной форме, разговариваем. Вдруг Соня как вскрикнет: «Смотри!» Я повернулся и увидел на привокзальной площади мать, Анну Алек-



Волоколамск,  
Зима  
1941 года

сеевну. «Мы, — говорит, — сюда приезжаем каждое утро, встречаем и провожаем эшелоны. Уже сколько родственников проехало, вот и вас повидала, сразу двоих. А Шура в Чите. Теперь бы мне Николая и Ивана не проглядеть, проводить их по-матерински». Раздалась команда «по вагонам». И сейчас в памяти — та острая боль, резанувшая сердце вместе с паровозным гудком. Как в тот день стоит передо мною мать. С распростертыми руками, смотрит на запад...

А. Алашкин, Джамбул

Возвращаясь из ночной разведки, обнаружили в развалинах мальчика лет десяти, очень худого, кожа да кости. Принесли в окоп, а девать некуда, мы — в полуокружении. Так и оставили у себя. Он



Сталинград,  
1942 год

нам набивал патроны в диски к автомату ППШ. Его родители работали на тракторном, погибли во время бомбежки. Собирались мы при случае ночью переправить его за Волгу, в тыл, но в конце октября немцы подтянули подкрепление и штурмовали наш передний край. Самый тяжелый день в защите Сталинграда. Кругом все рушилось, дышать нечем, даже солнца не видно.

Когда из-за Волги наша артиллерия дала огонь по их танкам, мы стали приподниматься из окопа. Я поднял на бровку нашего мальчика на воздух, он что-то шептал, мы прислушались. Не забыть мне те слова: «Вы ж червоноармийцы, дай-

те воды хоть маленькую ложечку, ну хоть краплиночку». А у нас воды не было четвертый день. Старшина Петя Галата где-то раздобыл термосок, но когда второй раз ползком нес воду, немцы стреляли по нему. Мы его втянули в окоп, а в термосе — семь пуль и воды нет. Мы сняли с него мокрую гимнастерку и сосали. Мы знали, что наш политрук Тютюнов Порфирий свою порцию всю не выпивал, а сливал в баклажку и давал по капле раненым. Тут он пришел к мальчику, открыл ее, подставил ладонь, но воды там не было. Если бы мы видели наши глаза, обращенные к флаге. Тогда политрук взял винтовку и штыком копнул землю на дне окопа, взял в горсть чуть влажную землю и приложил к губам мальчика — все-таки влага. И заплакал боевой наш политрук. И мы плакали. Он всю жизнь у меня перед глазами, тот умиравший мальчик. Имя его было Андрей, фамилия Волошинов или Волошенюк.

И. Грекул, Кировоград

Через наше село Витемлю дважды перекатывался фронт. Сперва, в 41-м, шли и шли окруженцы — на восток, за Дсну. Наш дом — на краю. Батяка ушел воевать. Мать осталась с пятью детьми. В те времена люди наглухо запирали ворота и калитки, к ним не достучаться. А мы-то — безворотники, да и мама наша Марьяна Михайловна Курза не чета многим другим. Как сейчас вижу — стоят худые, оборванные бойцы, просят: пусти, хозяйюшка на ночь одну. Бывало скажет: «Солдатики, боюсь я, за детей страшно и кормить нечем». А Витька, брат, ему уже 14 было, говорит: «Накорми! Лучше я буду голодный».

Прошло через нашу хату не менее полусотни солдат. После мы вместе с партизанами ушли в лес. Вернулись к себе — все разорено, сожжено, но наша хата уцелела. Не помню уж, кажется, зимой 44-го утром к нам зашли два пленных немца — их иногда отпускали ходить за подаянием. Витя как закричит на них по-немецки, а мать ему: «Ты что орешь, может, и батяка наш так где-то ходит». Ползла в подвал и дала им по две картошки, хотя мы сами жили впроголодь. Брат продолжал ругаться, мама успокаивала: «Эх, сынок, их тоже где-то ждут».

И. Курза, Измаил

Если Ленинград не сдали врагу, то это благодаря тем, кто пропал без вести. При мне на Невской Дубровке, под Пулковом, под Колпино зарывали бульдозерами тысячи солдат. На братских могилах ни одной фамилии. А родина, вместо того, чтобы преклониться перед ними, писала в извещениях оскорбительно-подозрительное: «Пропал без вести».

Б. Ткаченко, Кожва, Коми ССР

Мы закрепились на занятом рубеже западнее Одера и стали зарываться в землю. Готовясь к утренним действиям на нейтральной полосе, заметили ребенка, Он ползал около убитой женщины. Когда затихал гул взрывов, оттуда доносился плач.

Реплики были разные. «Жаль, ребенок...» А в ответ: «Сколько своих ползало, забыл?» — «Да что мы звери, что ли! Чужой, не чужой, а народился жить...» — это сказал рядовой Нестор Довгалева. Он сказал Василию, тому, что вспомнил про своих, сожженных в Белоруссии: «Держи мой автомат. Командиру в случае чего скажи, что сам, мол, гово-

рил, что мы спасти Европу пришли». И, не прошившись, короткими перебежками побегал по изрытому воронками полю. С вражеских холмов ударили пулеметы...

С ребенком в руках он был рядом с нашим окопом, когда пуля вонзилась ему в спину. Упал и уже не поднялся, но спасенного малыша из рук так и не выпустил.

В одном из писем, аккуратно спрятанных Нестором, обнаружили завернутые в листок три человеческих волоска. Прочли: «... Узнай, дорогой

Белорусский фронт. Переправа



супруг, где мой, а где деток твоих. Может, по цвету определишь, не забыл ведь?» И на нескольких страничках — обведенные карандашом кисти детских рук.

*Прокотий Тарасов, Москва*

После 9 мая все наше Бабино Воронежской области стало ждать своих. Мне было шесть лет. В конце мая мы косили в лесу и тут вдруг слышим шум. Побежали мы с мамой, а у нее ноги подкашиваются, упадет на дорогу, обнимет пыль, приговаривает: «О, господи, дай мне силы!», и опять бежим, и опять она падает. Дальше описать в словах не могу. Запомнила, что папа взял меня на колени и дает гостинец — сахара и хлеба, то же братьям. А маме сатин синий в горошек.

Радости нам детям было без предела, что папа пришел живым. Конечно, пошел он на фронт хорошим, а вернулся больной, даже рубить дрова не мог. Мама начнет ему говорить: пройди комиссию, может, сколько-нибудь платить будут! Он ей — свое: а государство что — не больное, с кого брать хочешь? Рассказывал: когда они домой возвращались, у них волосы дыбом поднимались — неизвестная стала Россия. Прожил еще всего пять лет. А старший наш брат Алеша с фронта не вернулся. Прошу вас с низким поклоном — помните их всех.

*Т. Черетина, Литецк*

## Набраться мужества и слушать

Патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к Отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть.

*Н. М. Карамзин*

В Шестом всероссийском конкурсе исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век», который проводит общество «Мемориал», на этот раз есть особая номинация: «Человек и война. Цена победы».

Из самой формулировки видно, что школьников приглашают увидеть и оценить события военных лет прежде всего с точки зрения обычного, но всегда уникального человека, представить себя не полководцем, сурово размечающим карту, а собственным прадедом, соседом, земляком, очутившимся шестьдесят лет назад на передовой или в тылу, в штрафбате или в плену, на оккупированной территории или в госпитале, в столице или в деревне. Эта принципиально иная оптика позволяет погрузиться в живую историю без пафоса. Дегероизация войны? Нет, более гуманное представление о героизме, более сознательная, сострадательная любовь к людям, из которых и состоит Отчизна.

Подростки находят ключ к истории в памяти стариков, и само общее поколение необыкновенно важно для обеих сторон. Почти все работы заканчиваются рассказом о том, как

тесно подружились молодые историки и носители истории.

Начинается же каждая работа с вопросов. Это пишет другое поколение, которому недостаточно сказать: «Надо победить любой ценой». Они видят разницу между высоким самопожертвованием и преступным принесением в жертву других людей. Они хотели бы, чтобы цена была прагматически или, если угодно, благоговейно вычислена, если единица измерения — человеческая жизнь. Им хочется понять и тех, кто был по другую сторону окопов. Немские солдаты и офицеры видятся сегодняшним школьникам не только врагами, но и жертвами бесчеловечной политики.

Работ, посвященных войне, такое множество, что, даже перебирая лучшие, уже отобранные комиссией, трудно остановиться на какой-нибудь одной. Каждая из них не просто анализ готовых материалов, а самостоятельное исследование, построенное на встречах с живыми людьми, на работе с подлинными документами. Каждый автор (немало и групповых работ, и у каждой есть руководитель — как правило, учитель истории) сам выбрал тему, собрал и обработал устные и письменные материалы, осмыслил то, что узнал, и изложил итог своих размышлений.

При всем разнообразии тем, в работах школьников есть нечто общее: это сложная гамма чувств, все

степени которой проходят подростки в поисках истины. Не тратя лишних слов, мы хотели бы предоставить читателям самим судить о глубине, зрелости и оригинальности мышления авторов, о научном и нравственном значении их трудов. Для этого мы составили публикацию из фрагментов нескольких работ:

*Враги, или В плену... у человеческой глупости. (Марина Кононенко, 10-й класс, станция Багаевская Ростовской области.)* В основе работы — дневник молодого военного переводчика Леонида Кравцова, записанные им протоколы допросов пленных накануне и во время Корсунь-Шевченковской операции, в том числе протокол допроса немецкого майора, ровесника Кравцова. (1)

*Посвящение бывшим остарбайтерам. Из воспоминаний семьи Климонтович. (Дмитрий Смирнов и Станислав Хозинский, 2-й курс Астраханского музыкального училища.)* Будущие музыканты коснулись малоизученной темы: судьбы остарбайтеров, их жизни на чужбине и на родине. (2)

*Москва слезам не верит... Воспоминания москвичей о городе в годы войны. (Ацамаз Гагиев, Максим Ротермель, Андрей Ряшко, 10-й класс, Москва.)* Очень большая и очень хорошо написанная работа, настоящая летопись военной Москвы. (3)

*Винюват, что не застрелился. (Екатерина Шаронова, 11-й класс,*

*поселок Игра Республики Удмуртия.) Семейное исследование, в центре которого жизнь прадеда автора Юрия Захарова, который побывал в плену, в течение десяти лет проходил проверки в органах и всю жизнь нес позорное клеймо предателя. (4)*

*Когда бой уже кончился. О владимирских госпиталях, о смерти и бессмертии, о незабываемых и забытых навсегда. (Илья Зыков, 11-й*



Трофеи

*класс, город Владимир.)* Автор собрал свидетельства бывших медсестер владимирских госпиталей. (5)

*Выполнение партизанской присяги в условиях Заполярья — высокая плата за Победу. На основе партизанских документов и дневников отрядов партизан Заполярья через 60 лет после войны. (Андрей Меньшишин, 10-й класс, город Мончегорск Мурманской области.)* Историко-краеведческое исследование, снабженное аудио- и видеоматериалами. (6)

«Великая Отечественная война... Это тема уроков истории, которую мы изучали в 9-м классе. Изучали, «проходили»... Теперь это история, ведь война была давно — в середине XX века. В воспоминаниях постепенно исчезает давление пропаганды советского времени, «растаяла» пафосность определений, и теперь всех изумляет только одно: как много погибло людей. Красной нитью проходит эта безжалостность, это военное — «любимой ценой»...

Война — самое значительное, самое памятное событие XX века для нашей страны и по-прежнему — белое пятно. Настала очередь моего поколения принять эстафету памяти. Моя очередь — отдать дань памяти героям и простым солдатам. А для этого необходимо пропустить через себя то далекое время, то есть понять и почувствовать, почему началась война, как наша страна была подготовлена к ней, чем оказалась война для народа и какой ценой досталась нашей стране победа. Количество утрат и потерь

повергло мир в изумление. Соизмерима ли эта высшая плата с историческими результатами? Может, можно было сделать что-то иначе? Я уверен, что историки, политики, философы не раз задавались этими вопросами. И уверен также, что здесь нет однозначного ответа». (6)

«Кто-то сказал, что народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего. Нас не должна постигнуть такая участь. У нас появилась новая цель: пролистать Книгу войны и отыскать еще не прочитанные в ней страницы». (2)

«В год 60-летия Победы на телевизионные экраны вышло много фильмов о войне, где исторические события преломляются в судьбах разных людей. Время в этих фильмах — это время молодости моей прабабки и моего прадеда. Тогда они жили, работали, любили, радовались и грустили. Я листаю старые документы, смотрю на старые фотографии, вспоминаю рассказы родственников и знакомых, услышанные вскользь фразы и всматриваюсь по-новому в эти знакомые и незнакомые лица.

дет отказ, опять будут проверки. Клеймо военнопленного всю жизнь тяготило его, он не мог смотреть фильмы про фашистские концлагеря, плакал при просмотре парадов по телевизору в праздники. Он никогда не рассказывал об этом периоде своей жизни и стыдился его. Иногда, по словам детей, от него можно было услышать: «Я позорю вас, я стыд для всех вас, почему я не застрелился!»

При сборе архивных документов коллега по работе спросил мою тетю, с чем связан ее интерес. Она объяснила, ответ поразил всю семью: «А, так ты внучка предателя Родины? Вот мы не знали». Сказано было в шутку, но как сильны штампы! Стало понятно, почему дед так переживал вся жизнь. Любой мог сказать ему: неизвестно, чем ты занимался в немецком плену и как ты выжил.

Сталинский режим закладывал в сознание солдат установку на несовместимость понятий «плен» и «жизнь». Удивительно и невообразимо, какое чувство вины и одновременно страха нужно было сформировать в людях, чтобы они чувствовали эту вину и пе-



От завода осталась лишь вывеска. Новороссийск

Когда я собирала данные о членах нашей семьи, я вдруг поняла, что история страны действительно отражается в истории семьи, как в зеркале, она оживает, становится личной, моей историей. У нас есть все: раскулаченные и репрессированные, участники боевых действий на фронтах и военнопленные, партийные деятели и обычные труженики.

Все Захаровы остались живы и здоровы в этой страшной войне. Вернувшиеся с фронта были героями. Имели ордена и награды. А мой прадед вернулся из фашистского плена. Он, по воспоминаниям родственников, всю жизнь стыдился этого. Он так и умер с этим чувством вины — за то, что не застрелился, когда его брали в плен. После его смерти в военкомат пришли документы, приравнявшие его к участникам Великой Отечественной войны. Он не дождался этой справки. А как он ее ждал и боялся, что при-

ред лицом смерти, и позже — пройдя через фашистский плен и систему проверок НКВД.

Я хотела бы избавить его и нас, живущих, от этого чувства. В этом состоит цель моей работы». (4)

«В очередном номере городской газеты я увидел заметку о партизанах Заполярья. Я и не знал, что у нас на Севере воевали партизаны. Но в маленькой заметке было очень мало информации. А у меня появилось много вопросов и желание найти на них ответы. Тема войны перестала быть школьным уроком. Я начал действовать. Вначале, конечно, обратился в городскую библиотеку и нашел две книжечки о партизанском движении на Севере, но какие! — воспоминания партизан через 20 лет после окончания войны. В списках партизан я искал фамилии моих земляков-монче-

горцев. Я обрадовался, когда нашел три фамилии. Сразу обратился в городской Совет ветеранов... И вот с цветами в руках, которые я бережно нес для партизан всю такую трудную дорогу, я ступил на партизанскую землю. «Остров Партизанский. Находится под охраной государства» — прочитал я на табличке. И ощутил трепет.

Я хочу понять: какие вы были, ведь некоторые из вас — почти мои ровесники? Как в наших северных условиях могли воевать партизаны? Противником или помощником была для партизан природа Севера? Как они создавали и поддерживали бытовые условия, как их обеспечивали хозяйственными принадлежностями, оружием, боеприпасами? Как чувствовал себя каждый из них, таких разных, на войне? Партийная пропаганда, патристическое чувство или что-то еще помогало держаться в невыноси-

дождь, ветки мешаются в ногах, бьют по лицу, сами мокрые до ниточки, а идти надо вперед и вперед».

Героини, героини... Они и против коня, и против танка могут. Вот только против смерти... «Бой был коротким, но жарким. Не умолкая, строчил пулемет Долотовского. Но вдруг его дробные звуки оборвались. Паня Шорохова решила, что Семен ранен, и по открытой поляне поползла к нему на помощь, но сама попала под вражескую пулю».

Смерть Пани была потрясением для обоих отрядов и не принималась сознанием. Здесь наиболее остро понимаешь несовместимость: *женщина и война*. Даже такая, как Паня, подготовленная и сильная, поморка, рыбака, охотница, следопытка, лыжница, не может быть использована в мясорубке войны. Она вся — для продолжения жизни... Тема особенная —

ния тех лет не изгладились до сего времени. А Саша Саенко Юлии Николаевне запомнился особенно. «Привезли его тяжело раненого. Видимо, он был высокого роста, потому что кровать оказалась ему коротка, ноги не поме-



Восточная Пруссия. Девушки-снайперы

щались на постели. Ранение в грудь было смертельным». Юля сидела возле него, пыталась читать сказки, развлекала разговором. А он вдруг спросил: «Очень озябли ноги, принесите мне валенки. Принесите валенки, — повторял он, — мне нужно идти». Юля пыталась укрыть парню ноги потеплее, а он продолжал просить валенки. Юля побежала за врачом, но, когда они подошли, парень был уже мертв... Каждую весну 9 мая на братском кладбище Владимира на плиту с именем Саши Саенко ложится цветок, принадлежащий именно ему, первому раненому, умершему на руках семнадцатилетней девушки, которая впервые видела смерть уже в какой-то степени близкого человека». (5)

**И**з показаний пленного немецкого майора, записанных штабным переводчиком Леонидом Кравцовым:

«Битва должна была грянуть в первых числах февраля. За одни сутки до этого мощного удара нашему старику Штимерману вздумалось справить день рождения одного генерала у себя в штабе. После этого они прогулялись по живописному берегу реки Роси. Светил ясный месяц. Всплески серебристой рыбки привлекли их взор. Расчувствовались наши высшие чины. И вот в конце этой прогулки Штимерман бросил взгляд на своих генералов и сказал: «Если бы знали тысячи русских, украинских и немецких матерей, что завтра вздрогнет земля от ураганного арт- и миногня, полетят в воздух сотни и тысячи тел сражающихся, ринутся лавиной бронечудовища». Да, так оно и было... Мы так жалостно заглядывали своему начальству в глаза, хотели этим подсказать, что мы, молодые офицеры и солдаты, очень и очень хотим жить. Пощадите нас, дайте согласие на капитуляцию!»

Два солдата. Два характера. Две судьбы. Взглянув на каждого из них непредвзято и честно, мы видим двух молодых людей, во многом очень похожих друг на друга. Оба одинаково любят жизнь и страшатся смерти. Какая сила заставила их, взявшись за оружие, противостоять друг другу? Ненавидеть друг друга, желать друг другу гибели?» (1)

**В**оспоминания москвички Тамары Рудковской.

«Рудковская жила в это время на улице Воровского. Утром в этот день она собиралась в институт и наткнулась на оцепление, которое стояло вдоль Садового кольца. Со стороны зоопарка выводили плененных под Сталинградом немцев. Тамара оказалась среди первых, кто видел эти колонны. Впереди шел генерал. Как она

дочь. Он вырвался из ряда, бросился к ней, закричал: «Эльза! Эльза!» Он протягивал к ней руки и плакал. Девочка тоже испугалась и заплакала, женщина тоже и сильнее прижала дочку к себе. Немца оттолкнула охрана, но он долго еще оборачивался и плакал, и протягивал руки». (3)

**Д**ля нас самих участие в конкурсе оказалось большим событием. Мы прикоснулись к архивным материалам семьи Климонтовых, изданным документам по оккупационной политике и практике фашистской Германии на территории СССР. Мы многое поняли о вечной теме добра и зла, о том, что зло можно причинить не только действием, но и равнодушием. Мы поняли, какая пропасть лежит между нами и людьми, пережившими войну. Мы должны успеть преодолеть эту

ловно. Но святыми становятся чаще всего за мученичество. На наш взгляд, страницы истории этой войны относятся именно к такому разряду святости.

Основной удар пришелся по тому поколению, которое со школьной скамьи мечтало «умереть в боях». Так их воспитали, об этом звенели песни, об этом твердили любимые экранные герои. Умереть им пришлось. Но умирали они совсем не так красиво, как на экране. Совсем не так представляли себе советские люди, за очень небольшим исключением, грядущую войну. Тем более тяжело дался им страшный переход от растерянности к мужеству и стойкости.

Цена нашей победы еще неизвестна. Еще никто не измерил глубину тех страданий, в которые погрузилась наша страна. Но, как ни странно, чем больше проходит времени после войны, чем меньше остается в живых ее участников и свидетелей, тем больше появляется возможность узнать правду. О ней теперь вспоминают даже те, кто давно похоронил в своей памяти все подробности, о которых не принято было вспоминать. По-новому можно прочитать и старые документы.

Нам кажется, что самые главные открытия в истории Второй мировой войны еще впереди. Сейчас уже заговорили о тыле, без которого не бывает фронта. А интересно было бы почитать дневники немецких солдат, воспоминания немцев, оставшихся в Германии во время войны. Наверняка мы узнали бы такое, что стало бы для нас открытием. Кажется, следовало бы это сделать накануне годовщины



Полевая автолечебница

считает, это был сам Паулус. Он шел совершенно один, впереди всех, строгий, прямой, подтянутый, в очках, с каменным лицом. И никого вокруг не видел. Шел с большим достоинством, как будто вел не тех огородных чучел, в которых были наряжены его солдаты, а настоящее войско. За ним по несколько человек в ряд шли офицеры. Дальше — солдаты. Худые, оборванные, наряженные в то, что они отнимали у русских, погибая от холода, хотя и было лето: клетчатые бабьи платки, телогрейки, огромные эрзац-валенки. Очень высокие, сплетенные из соломы, с огромными ступнями. Их надевали поверх сапог. Шли они в таких эрзацах, как паралитики. Даже не шли, а еле ползли. Народ вокруг молчал. Было такое ощущение, что и зрители оцепенели от ужаса. Мимо них шли несчастные люди — тоскливые, безразличные ко всему. Отрешенные. Несчастные солдаты, которые расплачиваются за то, что заставили их делать фашисты. И вдруг один из них очнулся. Рядом с Тамарой стояла женщина с маленькой девочкой на руках. Этот немец увидел ребенка, который остро напомнил ему собственную

пропасть, а времени на преодоление осталось так немного.

Мы вновь познакомились с соседями. Ведь видели их часто, каждый день проходили мимо их дверей и даже не подозревали, что эти милые тихие старики были оstarбайтерами. К нам пришло переосмысление некоторых периодов Великой Отечественной войны, изменились взгляды, отношение к окружающим нас людям.

Мы испытали чувство обиды за бывших оstarбайтеров, за недостаток внимания к ним со стороны государства и общества. Нас не покидает чувство вины перед этими и сотнями тысяч других людей, переживших войну, перед живыми и усопшими, героями и заключенными лагерей, работниками тыла и бывшими детьми; перед своими и чужими бабушками и дедушками. Мы все в неоплатном долгу перед ними. Думаем, что осознание своего долга под силу только мужественным людям. Мы стали мужественнее, мудрее и сильнее духом». (2)

«В заключение подобной темы принято говорить, что Великая Отечественная война — героическая и святая страница нашей истории. Безус-



За тех, кто не дожид

Победы. Накануне этого события наши народы, пострадавшие больше других в этой войне, пострадавшие от тирании, которую пусть и взрастили сами, должны протянуть друг другу руки. Мы были очень разными, теперь в нас есть что-то очень общее. Прошло 60 лет, а это «что-то» не исчезает. Наверно, это память о страданиях. И лучше всяких документов хранит эту память сам человек. Его воспоминания бесценны для истории. Остается только набраться мужества и начать слушать...» (3)

Бои за Витебск. 1944 год



мых для человека условиях, стоять насмерть? Со всеми этими вопросами я шел по земле партизан.

Справка в партизанских документах: «Шорохова Паня Степановна, «Капля» — санитарка партизанского отряда «Советский Мурман». Родилась в 1923 г. (...) В партизанском отряде с июля 1942 г. Награждена медалью «Партизану Отечественной войны I степени». Погибла в бою 18 июля 1944 года».

Это крошечное существо изумляло всех своей энергией, выносливостью, живостью. В дневнике политука П. Евсеева есть запись о Пани в тяжелом походе. Когда многие выбились из сил: «Передвигаемся еле-еле. А санитарка Шорохова прямо героиня: крохотная девушка помогает ослабевшим — ведет их под руки, тащит оружие». В документах есть рассказ самой Пани об одном из походов: «Бойцы утомились, на маленьких привалах садились, их мучила жажда, а подняться не могли, чтобы сходить напиться до ручейка. Тогда приходилось ходить, носить всем воды, так как чувствовала себя лучше остальных. Много трудностей в пути. Идти по зарослям в

очень высокая. Нельзя обойтись без высоких слов, мужество достойно этого... Может быть, наша «Капля» и стала той, которая и камень точит, и чашу терпения переполняет. А цена Победы при этом стала еще выше!» (6)

**В**ладимир. Эвакогоспиталь № 1888. Улица Большая Московская, 31. «Эшелоны с ранеными шли из-под Москвы, подходили к станции ночью. Состав буквально дымился от крови и дыхания замерзающих людей. Выносят носилки, ставят на землю, на лице лежащего человека такая боль, такая мука. Вот он вздохнул и умер!»

К вокзалу подъезжали автобусы с двухэтажными нарами, на которые укладывали раненых. Сестры сопровождали их до госпиталей. Ходячие скорчились в проходах. И опять такая боль, мука и надежда в глазах. Кажется, они сейчас сойдут с ума от боли и бросятся на меня. А я прижалась спиной к дверям и твержу: миленькие, родненькие, потерпите, сейчас приедем».

Для молодой девушки это было страшным испытанием — столько страданий видеть сразу. Воспомина-